

Красная Армия в Европе в 1945 г.*

Старые и новые стереотипы восприятия в России
и на Западе**

Елена Сеньявская

Поведение союзников: «женщины как добыча»

На Западе постоянно муссируется тезис о «бесчинствах» Красной Армии на занятой ею территории Германии. Между тем документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Радиообращение Эйзенхауэра «Мы приходим победителями!» вполне четко подразумевало и «право победителей», и «горе побежденным».

В докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и воен-

ных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»¹.

Особенно отличились негритянские части.

В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Ендрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупацион-

---

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук, E-mail: senyavsky@mtu-net.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная Армия, 1945 г., Европа, Германия, гражданское население, антироссийские мифы, тема насилия, информационная война.

* Продолжение. Начало см.: «Обозреватель–Observer». 2012. № 2.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

ных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров, как ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей.

В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства...»¹. О.А.Ржешевский приводит данные, согласно которым в армии США, где после вступления на территорию Германии резко возросло число изнасилований, за это преступление и за убийства было казнено 69 чел.²

Интересные свидетельства оставил австралийский военный корреспондент Осмар Уайт, который в 1944–1945 гг. находился в Европе в рядах 3-й американской армии под командованием Джорджа Патона. Его дневники и газетные статьи легли в основу книги «Дорога победителя: свидетельство очевидца Германии 1945 года» (*Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945*)³, где приводится много нелестных характеристик поведению американских солдат в побежденной Германии. Книга была написана еще в 1945 г., но тогда издатели отказались от ее публикации из-за содержащейся в ней критики оккупационной политики союзников. Она увидела свет лишь в конце XX в.

В ней О.Уайт, в частности, писал: «После того как боевые действия переместились на немецкую землю, солдатами фронтовых частей и теми, кто следовал непосредственно за ними, было совершено немало изнасилований. Коли-

чество их зависело от отношения к этому старших офицеров. В некоторых случаях личности нарушителей были установлены, они были отданы под суд и наказаны. Юристы держались скрытно, но признавали, что за жестокие и извращенные половые акты с немецкими женщинами некоторые солдаты были расстреляны (особенно в тех случаях, когда это были негры). Однако я знал, что многие женщины были изнасилованы и белыми американцами. Никаких акций против преступников предпринято не было»³.

И далее – подробно, с деталями, с приведением мнений самих немецких женщин:

«На одном участке фронта один довольно заслуженный командующий остроумно заметил: «Совокупление без беседы не является братанием!» Другой офицер как-то сухо заметил по поводу приказа о недопустимости «братания»: «Определенно, это впервые в истории, когда серьезное усилие прилагается для того, чтобы лишить солдат права на женщин в побежденной стране».

Вероятно, наиболее заслуживающая доверия характеристика ситуации была дана интеллигентной австрийкой средних лет из Бад-Хомбурга: «Разумеется, солдаты берут женщин... После оккупации этого города на протяжении многих ночей нас будили солдаты, стуча в двери и требуя *Fraulen*. Иногда они врываются в дом силой. Иногда женщинам удавалось спрятаться или убежать». Я спросил ее, знала ли она женщин, которых и в самом деле изнасиловали.

Она задумалась на мгновение и ответила: «Нет, не думаю, что это случалось часто. Вы должны помнить, что сейчас, в отличие от тех времен, когда нацистские идеи еще не получили распространения, немецких женщин не ужасает мысль о том, что мужчина может применить к ним насилие. Они боятся, это правда. Но они больше боятся того, что их избыют, чем то, что их изнасилюют. Сами увидите. Если ваши солдаты будут достаточно терпеливы, они увидят, что немецкие женщины довольно покорны...»

«Запрет на братание» (*no-fraternisation rule*), провозглашенный сразу же после вступления американцев на немецкую территорию, так никогда и не действовал. Он был абсурдно искусственным, и ввести его в действие было просто невозможно. Первоначально он был направлен на предотвращение сожительства британских и американских солдат с немецкими

женщинами. Но как только закончились бои и войска были размещены по местам постоянной дислокации, значительное количество офицеров и солдат, особенно из состава военной администрации, начало завязывать с немецкими женщинами отношения всех категорий – от хождения к проституткам, до нормальных и благородных романов.

Одна берлинская прачка так высказалась по этому поводу: «Девочки Гитлера очень скоро заташат ваших солдат в постель и заставят их забыть о приказах. Они не считают, что в этом есть что-то неправильное. Они получают удовольствие и после посмеются и пошутят. В траханье нет ничего плохого. Сама увидите – скоро они станут спать с неграми и евреями!»

Безупречные арийские девственницы, может, когда-то и подписывались на нацистские идеологические журналы, однако их пуританские принципы не смогли пережить полового воздержания...

После нескольких убогих и бессмысленных военных судов над козлами отпущения «запрет на братание» превратился в пустой звук. Насколько я знаю, солдаты из американской дивизии, которая освободила Бухенвальд в апреле, спали с немками уже к концу мая. Они сами хвастались этим. Когда лагерь расчистили и превратили в центр для перемещенных лиц, ряды барачков, в которых сотни восточноевропейцев умерли от голода и болезней, были обставлены награбленной в Веймаре мебелью и превращены в бордель. Он процветал и снабжал лагерь бесчисленными консервами и сигаретами...»³

А вот свидетельство одной из немецких женщин о поведении французов: «Когда же в мае 1945 года война окончилась, появились «освободители» – это были молодые французские офицеры, – то от радостного ощущения конца войны сразу же не осталось и следа. Многие женщины подверглись нападению и были изнасилованы. Так начался мир!»⁴

Другой «французский» пример касается периода активных боевых действий.

Согласно докладу сенатора от штата Миссури Джеймса Эстланда, сделанному в сенате США (17 июля 1945 г.) 23 апреля 1945 г., «за первый день пребывания французских войск в Штутгарте

было зарегистрировано 1198 случаев изнасилований немецких женщин».

Сенатор сообщил, что сенегальские солдаты, входившие в туземные части французской армии, в течение пяти дней изнасиловали несколько сотен женщин, загнанных в штутгартскую подземку. В те дни в полиции оказалось несколько заявлений об убийствах женщин, совершаемых людьми в чалмах⁵.

Досталось от «туземцев» и итальянцам. При взятии союзническими войсками итальянского города Монте-Кассино в первых числах июня 1944 г., за несколько дней до высадки союзников в Нормандии, марокканские гумьеры из состава Французского экспедиционного корпуса совершили множественные преступления в отношении местного населения, включавшие изнасилования, убийства и пытки.

В окрестных селах они изнасиловали всех женщин и девочек в возрасте от 11 до 86 лет, числом около 3000. Несколько сотен женщин погибли в результате группового изнасилования.

Было убито 800 итальянских мужчин, пытавшихся защитить своих женщин.

Кроме того, марокканцы насиловали и юношей. Эти преступления стали известны в Италии под названием «мароккинаты» – «действия, совершенные марокканцами»⁵.

Впоследствии чернокожие американские войска, размещенные в Неаполе, имели свободный доступ к итальянским женщинам с разрешения своего начальства⁶.

А вот несколько сообщений американской и английской прессы, процитированных в вышедшей в 1946 г. в США брошюре Остина Эппа «Изнасилование женщин завоеванной Европы».

Живописуя, как водится, «зверства большевиков» (изнасилованные монахини, беременные в родильных домах, малолетние девочки и даже мальчики, и т.п.), он тем не менее признает масштаб насилий в западной оккупационной зоне: «Сильвестер Михельфельдер, лютеранский пастор, писал в *Christian Century*: «Топлы безнаказанных бандитов в английской и американской

форме грабят поезда. Женщин и девочек насилюют на глазах у всех. Их заставляют ходить голыми...»

Джон Дос Пассос в журнале *Life* от 7 января 1946 г. цитирует «краснощекоего майора», заявляющего, что «похоть, виски и грабеж – награда для солдата». Один военнослужащий писал в журнале *Time* от 12 ноября 1945 г.: «Многие нормальные американские семьи пришли бы в ужас, если бы они узнали, с какой полнейшей бесчувственностью ко всему человеческому «наши ребята» вели себя здесь...»

Военный американский связист Эдвард Уайз в своем дневнике писал: «Перебрались в Оберхунден. Цветные ребята устроили здесь черт-те что. Они подожгли дома, резали всех подряд немцев бритвами и насиловали...»

Армейский сержант писал: «И наша армия и британская армия... внесли свою долю в грабежи и изнасилования... Хотя эти преступления не являются характерными для наших войск, однако их процент достаточно велик, чтобы дать нашей армии зловещую репутацию, так что и мы тоже можем считаться армией насильников...»⁶

Дневной рацион немцев, установленный западными оккупационными властями, был ниже, чем американский завтрак.

Поэтому неслучайной выглядит запись, характеризующая военную проституцию: «5 декабря 1945 г. *Christian Century* сообщал: «Американский начальник военной полиции подполковник Джеральд Ф. Бин сказал, что изнасилования не являются проблемой для военной полиции, поскольку немного еды, плитка шоколада или кусок мыла делают изнасилование излишним. Задумайтесь над этим, если вы хотите понять положение в Германии».

Лондонская *Weekly Review* от 25 октября 1945 г. описывала это так: «Беспризорные молодые девушки открыто предлагают себя за еду или ночлег... все очень просто, для продажи у них осталась единственная вещь, и они ее продают... как способ умереть, это может быть даже хуже, чем голод, но это отодвигает смерть на месяцы, или даже годы».

Д-р Джордж Н. Шустер, президент колледжа Хантер, писал в декабре 1945 г. в *Catholic Digest* после посещения американской оккупационной зоны: «...Европа является сейчас местом, где женщина проиграла многолетнюю

борьбу за благопристойность, потому что только бесстыдные остались живы...»

По сообщению журнала *Time* от 17 сентября 1945 г. правительство поставляло солдатам примерно 50 млн презервативов в месяц с живописными иллюстрациями по их использованию. Фактически солдатам говорилось: «Преподайте этим немцам урок и приятно проведите время!»⁶

При этом, согласно сообщению *Associated Press* от 12 сентября 1945 г., американское правительство уведомило своих военнослужащих о том, что «браки с неполноценными немками категорически запрещены», поощряя там самую «свободную любовь» во всех ее формах.

Автор одной из статей в *New York World Telegram* от 21 января 1945 г. констатировал: «Американцы смотрят на немок как на добычу, подобно фотоаппаратам и люгерам»...

Согласно лондонской Международной службе новостей от 31 января 1946 г., когда жены американских солдат приехали в Германию, то они получили специальное разрешение носить военную форму, потому что «Джи Ай (американские солдаты) не хотели, чтобы оккупационные войска по ошибке приняли их за фройлян (нем. Девушки)».

Д-р Г. Стюарт в медицинском отчете, представленном генералу Эйзенхауэру, сообщал, что за первые шесть месяцев американской оккупации уровень венерических заболеваний возрос в двадцать раз по сравнению с уровнем, который был в Германии прежде»⁶.

«Райская жизнь» в западной зоне оккупации оказалась такова, что даже запуганные пропагандой о русских зверствах беженцы постепенно возвращались в районы, занятые советскими войсками. Так, в докладе И. Серова Л. Берри от 4 июня 1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина говорилось: «Путем опроса возвращающихся берлинцев установлено, что немцы, проживающие на территории союзников, подвергаются жестокому обращению английских и американских войск, в связи с чем они возвращаются на нашу территорию. Кроме того, немецкое население, прожи-

вая на территории союзников, уже испытывает голод в снабжении продовольствием»⁷. Далее И. Серов сообщает, что в течение месяца с момента занятия советскими войсками Берлина в город вернулось около 800 тыс. человек, бежавших с отступавшими германскими частями, в результате чего число его жителей увеличилось до 3 млн 100 тыс. чел., и что «снабжение населения хлебом проводится регулярно, по установленным нормам, и никаких перебоев за это время не было»⁷.

Неслучайно первый бургомистр Боннака (район Лихтенберг) заявил, комментируя введенные русским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не можем претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием, поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправку оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине ве-

ликодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы являются выше, чем даже при Питлере...

Население опасается только одного – не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится»¹.

Житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плетками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские»⁷.

О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое – часто бьют палками и плетками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские»⁷.

Охота за трофеями

Западные союзники не только насиловали женщин и держали население на голодном пайке, но и занимались грабежом, мародерством, охотой за трофеями. Свидетельства об их поведении в Германии встречаются во многих немецких мемуарах.

Например, обер-ефрейтор Кописке вспоминал: «Мы вышли к деревне Мекленбург... Там я увидел первых «томми» – трех ребят с легким ручным пулеметом, видимо, пулеметное отделение. Они лениво развалились на копне сена и даже не проявили интереса ко мне. Пулемет стоял на земле. Повсюду толпы народа шли на запад, некоторые даже на повозках, но англичанам это явно было до лампочки. Один на губной гармошке наигрывал песенку «Лили Марлен». Это был только передовой отряд. Либо они просто больше не брали нас в расчет, либо

у них было какое-то свое, особое представление о ведении войны...

Чуть дальше, на железнодорожном переезде перед самой деревней, нас встретил «пост по сбору оружия и часов». Я думал, что мне это снится: цивилизованные, благополучные англичане отбирают часы у заросших грязью немецких солдат! Оттуда нас отправили на школьный двор в центре деревни. Там уже собралось немало немецких солдат. Охранявшие нас англичане катали между зубов жевательную резинку – что было для нас в новинку – и хвалились друг перед другом своими трофеями, высоко вскидывая руки, унизанные наручными часами»⁸.

Про трофейные часы у союзников вспоминают и наши мемуаристы.

Вот что наблюдал Н.Н.Никулин в конце мая 1945 г. в поверженном Берлине: «У Бранденбур-

гских ворот возникла огромная барахолка, на которой шла любая валюта и можно было купить все: костюм, пистолет, жратву, женщину, автомашину. Я видел, как американский полковник прямо из джипа торговал часами, развесив их на растопыренных пальцах...»⁹

Американская «охота за трофеями» отражена и в мемуарах Осмара Уайта: «Победа подразумевала право на трофеи. Победители отбирали у врага все, что им нравилось: выпивку, сигары, фотоаппараты, бинокли, пистолеты, охотничьи ружья, декоративные мечи и кинжалы, серебряные украшения, посуду, меха. Этот вид грабежа назывался «освобождением» или «взятием сувениров». Военная полиция не обращала на это внимания до той поры, пока хищные освободители (обычно солдаты вспомогательных частей и транспортники) не начали красть дорогие машины, антикварную мебель, радиоприемники, инструменты и другое промышленное оборудование и придумывать хитрые методы контрабандной доставки краденого на побережье с тем, чтобы потом переправить это в Англию. Только после окончания боев, когда грабеж превратился в организованный криминальный рэкет, военное командование вмешалось и установило закон и порядок. До того солдаты брали, что хотели, и немцам при этом приходилось несладко»².

Для сравнения приведем свидетельства с советской стороны.

19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнотруженица М. Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют...»¹⁰

«Фриц бежит, все свое бросает, – писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В. Герасимова. – Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских до-

мах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся иправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»¹⁰.

24 февраля 1945 г. Г. Ярцева писала с фронта: «...если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым. Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими – “Швайн!” Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружки с поляками и прочими литовцами...»¹⁰

Можно понять чувства тех, кто отпирал дом, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь шла не об изъятых у населения ценностях, а об оставленных и бесхозных вещах.

Так, старшина В.В. Сырлицин в письмах к жене (июнь 1945 г.) объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное «тузами» берлинскими и распределяли по-товарищески кому что нравится...»

В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре – никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном Берлинском магазине и складе или найденные распротрошенные чемаданы тех, кто давал «стрекоча» из Берлина»¹¹.

А вот рассказ минометчика Н.А. Орлова: «...по поводу трофеев. Нагло грабежа на моих глазах не было. Если кто-то что-то брал, то только в брошенных домах и магазинах. «Всевидающее око» особистов в Германии не дремало. За мародерство иногда расстреливали... Офицеры наши брали в особняках картины, гобелены и прочие серьезные вещи. Когда разрешили посылать посылки домой, были ограничения в весе, если я не ошибаюсь, офицер мог послать посылку до 8 кг веса, солдат – до трех килограмм.

Я матери послал посылку с отрезами ткани, и она благополучно дошла до адресата. Нарвались как-то на ящик немецких часов – «штамповок», всем расчетом соорудили посылки, но эти посылки «пропали без вести». У каждого в роте появилась «коллекция» часов и зажигалок, которую держали, как правило, в котелках.

Знаменитая фронтовая игра «махнем не глядя» уже выглядела так: стоят двое, у каждого за спиной котелок, которыми и «махались». Но чтобы кто-то кольца золотые в кисете таскал – я не видел...»¹²

Нельзя отрицать факты «трофейно-посылочной лихорадки» в советских войсках на заключительном этапе войны и сразу после ее окончания (политорганы именовали это явление «барахольством»¹⁰), однако, в отличие от западных союзников, «нажиться» и «обогатиться» при этом стремились все же немногие, в основном «тыловики и обозники». Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались в письмах и дневниках очень часто. «Мелочность быта непроизвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность»¹¹.

Большинство советских военнослужащих старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания.

При этом следует отметить особую проблему восприятия советскими людьми

ми за границы, довоенные представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические стереотипы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы»¹⁰.

«В Германии мы увидели, что такое цивилизация, – вспоминал Н.А. Орлов. – Даже к самому маленькому немецкому поселку вела асфальтированная дорога. Все деревья вдоль дорог были пронумерованы. Кругом чистота. Сельские сортиры были выложены кафелем.

Поразили имперские дороги. На обочинах не было телеграфных или электрических столбов. Лента дороги использовалась немецкой авиацией как взлетная полоса, и мы от немецких самолетов в конце войны лиха натерпелись немало. Дома с роскошной, по нашим понятиям и представлениям, обстановкой. Огромные погребя, заставленные банками с провизией, солониной, компотами, вареньями... Еды в их запасниках было столько, что немцы еще могли спокойно лет пять в блокаде просидеть, продолжая войну...»¹²

Даже бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой – озлобляя своей, по их понятиям, роскошью.

Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, роаяли, зеркала.

«Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтovому другу Ю. П. Шарапову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н. Н. Решетникова. – Ничего общего нет с нашим лесным наступлением [в Карелии]. Двигаемся по прекрасным шоссе.

Всюду и везде вальется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы

убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками.

А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках... Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова.

Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания»¹³.

Это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов

роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим разрушительством, и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди выплескивали чувство мести за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. Нетрудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, который давал выход своей горечи.

При этом «дух разрушения» не был отличительной чертой именно советских войск.

Так, О. Уайт отмечал: «Я видел немало случаев преднамеренной и злоумышленной жестокости. Солдаты считали, что они всего лишь восстанавливают справедливость и несут морально обоснованное возмездие той расе, которая угнетала Западную Европу на протяжении пяти лет. Покорность немцев никак не влияла на поведение победителей, а напротив, возбуждала гнев и презрение. Мне довелось видеть, как американские солдаты преднамеренно и планомерно громили немецкий дом в Эрфурте...»³

Молоко для немецких детей

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 г.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способ-

ность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушным победителей на завершающем этапе и после ее окончания.

«Перешли границу – Родина освобождена, – вспоминала санинструктор Софья Кунцевич. – Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди!

Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег?

Почему?

Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним...

Пришли в какой-то поселок, дети бегают – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла¹⁴.

Голодных немецких ребятишек подкармливали многие наши солдаты. И советская военная администрация в вопросах обеспечения немецкого населения продовольствием особую заботу проявляла о детях. Неслучайно еще 31 мая 1945 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление о снабжении молоком в г. Берлине детей до 8-летнего возраста¹⁵.

Вот как описал корреспондент «Красной звезды» Павел Трояновский будничные день маршала Г.К.Жукова в мае 1945 г. в Берлине: «Начальник тыла фронта генерал докладывает командующему о подвозе продовольствия для населения Берлина – сколько муки, крупы, жиров, сахара, соли.

– Для детей молоко надо искать...

Генерал посмотрел на маршала и после продолжительной паузы сказал:

– Мне, товарищ маршал, пишут из дома, что голодают...

– Мне тоже пишут, что в Союзе туго... Но это не меняет дела. Директива предельно ясна: выделить столько-то продовольствия для немецкого населения Берлина.

– Будем кормить фашистов?

– Будем кормить немцев – стариков, старух, детей, рабочих...»¹⁶

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств.

Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е.Бокова члену Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту К.Ф.Телегину о политических настроениях жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России.

Я решила вскрыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. Я не верила своим глазам. После этого мы решили выйти на улицу.

На улице было много гражданского населения. Никто их не трогал. Все они спешили по своим делам. Я сначала пугалась каждого военного, но теперь я убедилась, что Гитлер и Геббельс брехуны. Мне стало ясно, что нас обманывали. Это доказывается тем, что русские не только не уничтожают и не истребляют население, а даже беспокоятся, чтобы это население не умирало с голоду. Больше того, выдают высокие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ.

Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль – неужели так и будет дальше, неужели так и будет снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»¹

Когда к 17 часам 13 мая берлинцы узнали о новых нормах питания и порядке получения продовольствия, толпа выразила свои чувства благодарности радостными аплодисментами.

«Общее настроение берлинцев – радостно-выжидательное, – говорилось в другом докладе Ф.Е.Бокова, также датированным 15 мая. – Никто не ожидал, что Советское Правительство проявит такую заботу о населении. Тем более

никто не надеялся и не мог мечтать о таких нормах питания. Во время передач через звуковещательные установки наблюдались такие возгласы: «Благодарю Бога», «Боже мой! Дети получают сахар и масло», «Русские будут давать натуральное кофе. Интересно, где они его возьмут».

Прочитав листовку о новых нормах питания, крупный служитель Католической церкви доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны».

Елизабет Шмеер в беседе заявила: «3 января с фронта приехал в отпуск мой сын. Он служил в частях СС. Сын несколько раз говорил мне, что части СС в России творили невероятные дела. Если придут сюда русские, то они не будут вас «обливать розовым маслом». Получилось иначе».

Побежденному народу, армия которого так много причинила несчастья России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало свое правительство. На такой гуманизм, видимо, способны только русские»¹.

«По поводу новых норм снабжения фабричная работница Гетце сказала: "Это для нас ока-

залось очень неожиданным. Нас запугивали тем, что русские уничтожают женщин и детей. В самом деле мы получили спасение"»¹.

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточное оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему.

Причины этого достаточно точно определил Д.Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер – незлобивость, немстительность, чадолобие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы».

Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»¹⁷.

Историческая память и амнезия

Как справедливо отмечает О.А.Ржешевский, ярость советских воинов, вступивших с боями на вражескую землю, была вполне объяснимой, «однако лавина ответной мести не захлестнула Германию, а криминальные поступки, эти неизбежные спутники войны, совершали военнослужащие всех союзных армий»². При этом в 1944–1945 гг. в англо-американских войсках «мало кто сомневаясь в том, что немцы заслужили свою судьбу...», исходя из принципа, что «единственный способ научить *krauts* [кликка немцев, данная им американцами, происходит от немецкого слова, обозначающего кислую капусту], что в войне нет ничего хорошего, заключается в том, чтобы обращаться с ними так же, как они когда-то поступали с другими»³.

Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздвигается на Западе до

мифических размеров, тогда как не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части.

Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й Польской армии отмечено особенно жестокое отношение к нем-

цам»¹⁸. Но и польское население, и даже новые польские власти отличались массовыми притеснениями и жестокостью по отношению не только к немецким военнослужащим, но и к гражданским немцам.

«Местные жители, поляки из онемеченных польских семей, пользуясь благоприятной возможностью, устремились на грабеж хозяйств своих бывших соседей-немцев. Советское командование даже вынуждено было принимать целый ряд мер по предотвращению массовых грабежей немецких дворов и разграбления промышленных и иных предприятий в зонах оккупации. ...Отношения между немцами и поляками в занятых советскими войсками районах были очень напряженными.

Польские власти, принимая от Красной Армии переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах, ввели телесные наказания за неповиновение»¹⁹.

Неслучайно в одном из политических донесений Военного совета 1-го Украинского фронта приводятся слова немецких жителей: «Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать»¹⁹.

Немилосердие и даже крайнюю жестокость по отношению к побежденным немцам проявляли не только поляки, но и другие народы, побывавшие под фашистской оккупацией.

Так, в политдонесении Политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Яшечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «за время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах...

Все это объясняется огромной злобой и жадной мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления...

Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»¹.

Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных странах сами немцы (*Документ*). Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»²⁰.

Документы свидетельствуют и о поведении репатриантов, пестрые интернациональные толпы которых затрудили дороги Германии: возвращаясь домой из немецкого рабства, они не упускали случая отомстить своим недавним хозяевам. В докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта генерал-майора юстиции Л.Яченина Военному совету фронта о выполнении директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению от 2 мая 1945 г. сообщалось, что «насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих»¹⁰.

В докладе наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия И.В.Сталину, В.М.Молотову и Г.М.Маленкову от 11 мая 1945 г. о проводимых мероприятиях по оказанию помощи местным органам в городе

**Политдонесение политотдела 4-й танковой армии
об отношении чехословацкого населения к немцам¹**

НКО-СССР
ГЛАВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
Рабоче-Крестьянской Красной
Армии
31 мая 1945 г.
№ 258083
г. Москва, ул. Фрунзе, 19

СЕКРЕТНО
Экз. №

ЦК ВКП(б)
тов. Александрову Г.Ф.

Направляю Вам копию политдонесения начальника политотдела 4 танковой армии гв. Полковника тов. Кладового от 18 мая 1945 г., вх. 02481 об отношении чехословацкого населения к немцам.
Приложение: на 3 листах.

НАЧАЛЬНИК ОРГИНСТРУКТОРСКОГО ОТДЕЛА
ГЛАВПУРККА

/ЗОЛОТУХИН/

2 экз. / вв.
1-й адр.
2-й в дело
№ 0-712

РГАСПИ. ф. 17, оп. 125, д. 320, лл. 160.

НКО-СССР Вх. 02481
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
4 ТАНКОВОЙ АРМИИ
18 мая 1945 г.
№ 0263

Копия
СЕКРЕТНО

Начальнику Политуправления 1 Украинского фронта
Гвардии генерал-майору тов. ЯШЕЧКИНУ

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Об отношении чехословацкого населения к немцам

За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах.

В районе гостиницы гор. Прага чехословацкие патриоты, собрав группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания, заставили их лечь на дорогу лицом вниз и каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и там сожжены на кострах.

Встречая наши передовые танки чехи на центральной улице г. Прага выстроили большую группу немцев, предварительно нарисовав на лбу каждого из них фашистскую свастику. При подходе танков заставили немцев стать на колени, а затем лечь лицом вниз.

Поймав кого-либо из руководителей гитлеровской клики г. Прага чехословацкие патриоты обычно раздевали их до пояса, обмазывали краской, заставляли в таком виде работать по исправлению мостовой, разборке баррикад, при этом нередко избивали.

10 мая в Праге было задержано четыре немецких солдата, которые укрывались на чердаке здания, продолжали убивать снайперским огнем военнослужащих Красной Армии и жителей города. Задержанные немцы были тотчас же подвешены за ноги на столбах, облиты бензином и сожжены.

В районе техникума жители города, раздев по пояс 15 немцев и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немцы были выведены за город и расстреляны.

На восточной стороне города в одном из дворов было расстреляно до 100 немцев. Расстрел производили в одиночку из мелкокалиберной винтовки.

На улице Народная в течение 9 и 10 мая можно было нередко видеть, как чешские патриоты избивали немцев палками, обливали холодной водой и применяли другие пытки.

На этой улице 5 немцев в форме СС были поставлены на колени, на головах у каждого из них лежало по камню. К этим немцам поочередно подходили дети, женщины, мужчины и ударяя палкой по камням, лежавшим на голове провозглашали «Хайль Гитлер».

Другая группа немцев в количестве 9 человек (7 мужчин и 2 женщины) были раздеты жителями города, избиты и затем с подтянутыми сверху руками проведены вдоль улицы при большом скоплении населения.

На этой же улице были сожжены подвешенные на столбах за ноги два гестаповца. Около их трупов была вывешена надпись: «За убийство и смерть наших братьев».

Подобные факты можно было встретить не только в г. Праге, но и в других городах и населенных пунктах Чехословакии.

В селе Родошовицы в момент, когда чехи конвоировали в плен немцев, одна из женщин, подбежав к немцам, с возгласами проклятия стала избивать их. Глядя на нее это же делали и другие. Так были избиты до синяков почти все находившиеся в колонне пленные немцы.

В г. Мост группа чехов совместно с русскими, освобожденными из лагеря военнопленных, начальника лагеря убили палками.

В с. Лушка с приходом наших частей чехи выгнали всех проживавших здесь немцев (290 чел.), а оставшееся их имущество конфисковали.

В г. Рыжичаны все ранее проживавшие немцы были также согнаны в одно место. У каждого из них чешские патриоты выстригли на голове по клочку волос и после этого под конвоем отправили в Германию.

В 13 км от населенного пункта Мшец чехословаками был пойман полковник СС. После длительных пыток они повесили его за ноги на дерево и сожгли, предварительно вырезав на спине его фашистскую свастику.

Все эти факты не единичны. Почти в каждом случае в расправе над немцами принимало участие много населения.

Интересно отметить такой факт, что в ряде мест г. Прага в первые дни освобождения можно было видеть висящие на чем-либо портреты Гитлера с перевязанной вокруг шеи веревкой. На одной из улиц города был повешен на веревке металлический бюст Гитлера и около него лежала палка. Каждый мимо проходящий чех ударял палкой по этому бюсту и плевал в него.

Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления.

Житель г. Прага доктор Кот говорит:

«Немцы угнетали чехословацкий народ в течение шести лет. За четыре дня до прихода Красной Армии в Прагу они учинили массовые расстрелы мужчин и женщин. Даже детей на глазах у родителей вешали на специальных крючках или же ставили в ряд и давили гусеницами танков».

Житель города Кладно Вецлов Гольман говорит:

«С приходом немцев над нами нависла темная ночь. Издевались они над нами как хотели. Все эти 6 лет продолжалось массовое истребление чехов. Немцы относились к нам хуже чем к скоту. Был установлен голодный паек в 130 гр. хлеба на человека, а работать заставляли по 12 часов в сутки. Кто отказывался от работы, отправляли в концлагерь».

Учительница Карла Проханова говорит:

«Немцы закрыли все наши учебные заведения. Студенты в массовом количестве арестовывались и направлялись в Германию. Дальнейшая судьба их не известна. Были закрыты также все чешские начальные школы. Лекарство из аптек разрешалось отпускать только немцам. Больницы не работали».

Подобные высказывания чехословаков встречаются повсеместно.

Злоба и ненависть к немцам настолько велика, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами.

П/пНачальник Политотдела 4 ТА
Гвардии полковник –

Кладовой

Верно: Начальник отделения информации
Оргинструкторского отдела ГЛАВПУРККА

/Леонов/

1 экз./ вв.

Берлине говорилось: «В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества»⁷.

Примеры такого рода приводятся и в дневниках Осмара Уайта: «Военные власти сумели установить некоторое подобие порядка на освобожденных территориях. Но когда бывшие подневольные рабочие и узники концлагерей заполнили дороги и начали грабить один городок за другим, ситуация вышла из-под контроля... Некоторые из переживших лагеря собрались в банды для того, чтобы рассчитаться с немцами. Малонаселенные районы, которые не пострадали во время боевых действий, нередко страдали от разбоя этих банд...»³

Этот же военный корреспондент свидетельствовал: «В Красной Армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием нервозности, вызванной неумеренностью манер русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, от которых волосы встают дыбом, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух или по бутылкам...»³

Еще одна тенденция отмечена в уже упомянутом докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта от 2 мая

1945 г.: «Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая. Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом»¹⁰. Напрасные оговоры тоже имели место.

Однако в современной Европе при оценке событий Второй мировой войны сознательно переставляются акценты, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. При этом даже не упоминается главное – тот факт, что СССР и советский народ явились спасителями Европы от конченавистнической стратегии Гитлера на уничтожение целых государств и народов, причем огромной ценой десятков миллионов жизней и колоссальных материальных потерь. Забывается и то, что славянские и другие народы, в том числе Советского Союза, стали объектом фашистского геноцида. Не помнят и того, что СССР спас от уничтожения не только народы Европы, но и западные демократии, которые теперь пытаются ставить на одну доску агрессора и его жертву – гитлеровскую Германию и Советский Союз.

Приведем лишь одну цитату из французской газеты *Le Figaro* от 15 июня 2005 г.: «Победоносной Красной Армии, российским руководителям и коммунистам, в частности французским, есть за что попросить прощения. И напрачь свою память. Вся Европа должна бы в один голос потребовать этого!»²¹ И это пишут в стране, которая после короткого сопротивления «легла» под немецких оккупантов, большинство граждан которой запятнали себя коллаборациониз-

мом*, а среди немногих, оказавшихся во французском Сопротивлении внутри страны, более половины составляли коммунисты да иностранцы, в том числе бежавшие советские военнопленные...

Интересно, как формировалась и эволюционировала историческая память о Второй мировой войне в Германии.

Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение... За исключением некоторых известных публицистов, значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе... На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о

несправедливости других, о “юстиции победителей”»²⁴.

Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической памятью о войне Президент Чешской Республики В. Клаус, подчеркнувший, что «победа над нацистской Германией была великой и действительно исторической победой». Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. По его словам, «историю нельзя переписать или исправить». В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал: «Мы часто слышим рассуждения, в которых окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории.

Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которое, вне всяких сомнений,

---

* Сегодня «период оккупации во Франции предпочитают вспоминать, как героическое время. Шарль де Голль, Сопротивление... Однако беспристрастные кадры фотохроники свидетельствуют, что все было не совсем так, как рассказывают ветераны и пишут в учебниках истории»²².

Не так давно в Парижской исторической библиотеке проходила выставка французского фотографа Андре Зукка «Французы под оккупацией». На выставке было показано более 250 цветных фотографий, сделанных между 1941 и 1944 гг.

Фотографии показывают, как парижане наслаждались жизнью на берегах Сены, в кафе и городских парках, на залитых солнцем Елисейских Полях. Парижские модницы щеголяют новыми шляпками, обнимаются влюбленные, дети катаются на роликовых коньках, люди ездят на велосипедах, кормят слона в городском зоопарке...

Нацистские офицеры гуляют вместе с горожанами. «Картина просто идилическая», «общее впечатление мирной и совсем не такой уж несчастной жизни», которую вовсе не омрачают красные флаги с черной свастикой. Выставка вызвала грандиозный скандал, мэрия французской столицы запрещала ее показ в Париже. Член городского совета и глава департамента культуры Кристоф Жиарр сказал журналистам, что выставка «непереносима»²³.

означало освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать...

Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы «гуманистически нейтрально» анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей «симметрии страданий». Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие «жесты примирений», которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами»²⁵.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна.

Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу офици-

альной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга “альтернативные истории”, и «причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям... является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем... Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опору и оправдание для настоящего»²⁶.

Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становятся вполне объяснимыми: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны»²⁷.

На поводу у западных коллег идут и некоторые современные российские историки так называемого либерального направления, в частности, призывающие вообще отказаться от термина «освободительная миссия» как от «идеологического наследия советского прошлого». Однако любая ревизия этого термина недопустима в принципе: она ведет к сдаче международных позиций нашей страны, к предательству ее интересов, не говоря уже о предательстве светлой памяти около 1 млн 100 тыс. советских солдат, которые отдали свою жизнь за освобождение народов Европы от фашизма, спасли многие из них от полного уничтожения.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33, 99, 14–19, 20–21, 54–55; Д. 320. Л. 161–163.

² Ржевский О.А. ...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.

- ³ White O. *Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945*. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII, 221 pp. Все цитаты приводятся по переводу, размещенному на сайте: <http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html>
- ⁴ Помнить вечно. М., 1995. С. 105.
- ⁵ *Васильченко А.* Сексуальный миф III Рейха. М., 2008. С. 319–320.
- ⁶ *App A.J.* *Ravishing the Women of Conquered Europe*. San Antonio, 1946. Цит. по: *Анна О.* Изнасилование женщин завоеванной Европы // URL: <http://bolshoyforum.org/forum/index.php?page=86>
- ⁷ ГАРФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л. 200; Д. 95. Л. 399.
- ⁸ *Шойфлер Х., Тике В.* *Марш на Берлин 1944–1945*. М., 2005. С. 559–560.
- ⁹ *Никулин Н.Н.* Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008. С. 191.
- ¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 85, 92, 94, 86, 225, 226; Д. 68. Л. 17–20. Л. 4–5, 12. Д. 78. Л. 30–32; Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226–238.
- ¹¹ Цит. по: *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. X. С. 497, 496.
- ¹² Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню» // URL: <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
- ¹³ Переписка Ю.П.Шарапова с Н.Н.Решетниковой. 1942–1945 гг. // Личный архив.
- ¹⁴ *Алексиевич С.* У войны неженское лицо. Минск, 1985. С. 301–302.
- ¹⁵ *Коммунист*. 1975. № 4. С. 73–74
- ¹⁶ *Ортенберг Д.И.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991. С. 120.
- ¹⁷ *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 93.
- ¹⁸ *Власть*. 2000. № 6(357). С. 47.
- ¹⁹ *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 370–371.
- ²⁰ *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
- ²¹ *Афталъон Ф.* Москва должна заплатить долг памяти (Le Figaro, Франция) // URL: <http://www.inosmi.ru/stories/05/04/14/3445/220328.html>
- ²² Кадры, которые стали национальным позором Франции // URL: <http://svpressa.ru/war/photo/6743>
- ²³ Борьба с фашизмом по-французски... // URL: <http://szhaman.livejournal.com/219207.html>
- ²⁴ *Рюруп Р.* Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80.
- ²⁵ Из сообщения для печати «О юбилее Победы за рубежом» от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД России: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8
- ²⁶ Цит. по: *Владимирский А.* Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова – Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005) под ред. Ф. Бомсдорфа и Г. Бордюгова. Библиотека либерального чтения. М., 2005. Вып. 16. С. 228.
- ²⁷ *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М., 2005. С. 148.